

ДУЭЛЬ

Гвардии сержант Барановская, придерживая брезентовый полог, проскользнула в штабную землянку, отрапортовала:

– Товарищ гвардии майор! Разрешите присутствовать...

– Разрешаю! – ответил с воспалёнными глазами пожилой гвардии майор Самарин, он в грузной позе сидел на табуретке и глядел на развёрнутую карту, лежащую перед ним на сбитом столике.

– Присядь! – Самарин пододвинул ей табуретку. – Нина! – обратился он к ней по имени. – Пока на нашем участке было тихо, но два дня назад появился вражеский снайпер, и за это время успел ликвидировать двух наших командиров рот. Агентура контрразведки сообщила, что прибыл на наш участок майор, барон фон Диц, снайпер высшего класса. От тебя, дочка, требуется его немедленно ликвидировать. Иначе этот фон барон нам наделает много хлопот. Командование верит, что ты справишься с этой задачей.

– Разрешите идти! – козырнула она и повернулась к выходу. Пригнувшись по окопу, подалась к себе в дальнюю землянку.

«Может быть, посмотреть, в каких местах он убил наших командиров, – на ходу подумала она, – впрочем, это не выход, лучше завтра посмотрю на месте...» – и услышала окрик:

– Кто идёт? Пароль...

– Буран.

– Проходи...

Нина проскользнула мимо часового.

Утренний туман лёг по всему минному полю. Тихо и спокойно. От наших позиций в двадцати метрах стоит, искорёженным стволом вверх, наша знаменитая «тридцатьчетвёрка». Нина спокойно доползла до танка и залезла внутрь. Смотровой лючок немного был приоткрыт. Нина через оптический прицел винтовки внимательно осматривала местность, там за полем стеной стоял сплошной лес. Ждать долго не пришлось, на верхушку огромной ели сел чёрный ворон, и вдруг внезапно взлетел, исчезая в чаще леса. Его поведение насторожило девушку. Нина внимательно осмотрела ель. Ничего подозрительного там не увидела. Вновь её насторожила следующая ель. Оттуда выпорхнула стайка мелких птиц. На самой середине ели шевельнулась ветка, и мелькнул «зайчик». «Ты мне и нужен...». Навела прицел, и хотела было спустить курок. Что-то зашуршало сзади, и почти ей в ухо кто-то негромко сказал:

– Товарищ гвардии сержант! Вас срочно вызывает товарищ гвардии майор!

Ей ничего не оставалось, как подчиниться майорскому приказу и вернуться в подразделение...

– Дам тебе помощника. Гвардии ефрейтор, выходи.

Из полумрака вынырнул уже немолодой боец с одной лычкой на погонах и встал по стойке «смирно» напротив него.

– Знакомьтесь! Гвардии ефрейтор Рукосуев станет твоим напарником, насколько мне известно, этот самый Диц хитрый враг, и вам придётся поработать вместе.

– Я всегда одна работала, – возразила она Самарину.

– Забудь! Рукосуев твой второй номер, и с ним уходи, у меня много дел, – недовольно поморщился майор. – Чуть не забыл, вот вам две новенькие винтовки, старые поставьте в дальний угол...

– Значит, говоришь, одна... – разрешил молчание Рукосуев, когда оба вышли из майоровой землянки.

– Да, одна... – сухо ответила ему Нина.

– Зря вы, товарищ гвардии сержант, обо мне плохо думаете.

– В чём дело? Гвардии ефрейтор, я вас вообще не знаю.

– Ну тогда давайте познакомимся, – он живо ей улыбнулся. – Значит, зовут меня Иваном Рукосуевым. Родом я из деревни Потоскуй Красноярского края, где всего сорок дворов, из них тридцать девять Рукосуевых и один Безруких. Ссылку в нашей деревне проходил сам Серго Орджоникидзе, он об этом сам писал... О себе могу сказать, что я ещё и охотник.

– Послушай, я в девятом классе получила значок «Ворошиловского стрелка», и с тех пор до начала войны сдала на кандидата в мастера спорта по стрельбе, чуть-чуть не хватило до мастера спорта. Сегодня у нас с тобой подготовка, завтра с раннего утра будь готов.

– Буду! – уверенно ответил ей Рукосуев, – а ещё лучше быть вместе, – предложил он, – в одной землянке.

– Хорошая мысль, но не под одним одеялом...

– Намёк понял. Я давно женат, у меня дочь примерно вашего возраста. Жену Любу я сильно люблю с самого детства.

– Хорошо, тогда следуй за мной, и свои вещи заberi.

– Они всегда при мне...

Нина с Рукосуевым молча возились при тусклом свете керосинки с оружием, разбирали, чистили, и вновь собирали. Рукосуев не заставил себя долго молчать и первым заговорил с Ниной.

– Для меня «мосинка» самое лучшее оружие.

Он не стал менять «мосинку» на новую винтовку, а когда её собрал, внимательно осматривал дуло на свету.

– А мне эта винтовка СВТ-40 нравится: лёгкая и многозарядная, – возразила ему Нина.

– Я же охотник, и с «мосинкой» никогда не расставался, – упрямо проговорил он, – у меня дома осталась своя собственная. Парню моему Павлику шестнадцать лет, с тринадцати годов ходит с ней охотиться.

– Давай привыкай. Словно дед, ворчишь, – засмеялась Нина.

– Так я и есть дед, – теперь ей возразил Рукосуев. – Старшая дочка Настя

в сороковом году ещё перед Крещеньем выскочила замуж и родила внучку. Мужик её, Николай, воюет на Первом Белорусском.

– А мои, – вздохнула Нина и посмотрела на Рукосуева, – погибли под бомбёжкой в Ленинграде.

– М-да... – буркнул он себе под нос.

– Короче, сходим, тут недалеко есть местечко, пристреляться нужно, – Нина встала с места и, забрав винтовку, пошла на выход из землянки.

Утро выглядело пасмурным, Нина с Рукосуевым спокойно доползли до танка, залезли внутрь. Осмотрелись и притаились. Нина заговорила:

– Я так всегда делаю. Для очистки совести. Однажды во время атаки зашла с тыла во вражий бронетранспортёр посмотреть, кто там из фрицев в живых остался, чтоб нам в спину никто не стрелял. Только сунулась к заднему люку, меня успел оттолкнуть наш боец, который сразу получил от фрица целую очередь. Я от его толчка не удержалась, упала. Выдернула чеку «лимонки» и кинула её внутрь бронетранспортёра. С тех пор осторожничаю. Ну ладно, хватит болтать. Займёмся делом.

И она под села к лючку.

– А мне что делать?

– Перекури.

– Это можно... – Рукосуев достал кiset с махоркой и аккуратно из неё насыпал на кусочек газетной бумаги, завернул, немного встряхнул, подбил, ещё закрутил и заслюнявил. Затянулся.

– Ты не так меня понял. Потуши! – скомандовала ему Нина. – Если фриц увидит дым, у нас с тобой будут неприятности.

– Угу... – Рукосуев сразу затушил сигарку, быстро размахивая рукой, разогнал дым.

Нина вытащила винтовку и через прицел внимательно осматривала местность. Ничего примечательного она не заметила. Недалеко от тех елей, где засекла «зайчика», шелохнулась невысокая пушистая ёлка.

– Вот что, возле танка есть воронка, залезь туда и свою пилотку приподними вверх. Я фрица попробую «снять».

– Есть! – Рукосуев через нижний люк выполз из танка и сразу нырнул в воронку. Подождал. Снял пилотку и нацепил её на дуло и осторожно приподнял вверх и сразу получил выстрел по пилотке.

Тем временем Нина успела засечь вражеского снайпера и выстрелила в ёлочку. Она дёрнулась и встала колом.

Оба стояли по стойке «смирно» и выслушивали благодарность от Самарина:

– Ну что, я вас поздравляю с очередным ликвидированным вами фашистом. Но с каким!.. Идите отдыхайте...

Утром следующего дня Нина с Рукосуевым стояли навтыяжку перед Самариным, который нервно ходил взад и вперед.

– Рано мы обрадовались, был ликвидирован напарник Дица, его ученик,

лейтенант Шуман. Мне полтора часа назад доложил командир фронтовой разведки. Мне нужен ваш план его ликвидации. Жду через час с ним.

– Но я никогда не делала никаких планов.

– Ничего не знаю. Я жду вас ровно через час. Бери... – и сунул ей лист бумаги с карандашом.

– Есть! – Оба развернулись и проследовали к выходу.

Нина что-то чертила на листе. Рукосуев сидел на корточках у входа землянки, зажмурившись от табачного дыма, смолит сигарку.

– Слушай, Рукосуев, хватит её смолить, сюда иди... – позвала его Нина, и он молча затушил сигарку. Поспешно встал и подсел к ней.

– Товарищ гвардии сержант! Я уже прибыл.

– Хватит паясничать, давай помогай.

– А ты думаешь, я в этом понимаю? Но есть идея – взять бойца, пусть засядет в воронку и отвлекает фрица. Ты залезешь в танк, а я под ним окопаюсь. Попробуем фрица засечь, кто из нас будет первым, время покажет. Так что давай идём к Самарину...

– Товарищ гвардии майор, план мы не стали чертить, но есть интересное предложение, – начала ему предлагать рукосуевскую идею Нина и выложила предложение. Самарин, несколько минут поразмыслив, дал ответ:

– Хорошо! Дам я вам бойца. Действуйте...

Не успел рассвет вылезти наружу, все трое уже находились на местах. Иван даже успел немного окопаться. Он лежал на плащ-палатке и вслушивался в тишину. Нина вытащила фотографию. На ней были изображены мать с отцом, и она в десятилетнем возрасте. Молодой боец по фамилии Ребров сидел в воронке, тарачился во мглу. О чём он думал, было непонятно.

Понемногу расплзлась мгла, и начало рассветать. Забрел рассвет. Все трое, как по команде, насторожились. Нина прильнула к прицелу. Иван прильнул к прицелу «мосинки», аккуратно выискивал себе свою жертву. Насторожился Ребров и ждал чего-то. Появилось солнце, и на горизонте показался во всей красе тот дальний лес, откуда мог немецкий снайпер убить любого бойца Советской Армии. Вправо от большой ели, приблизительно в нескольких метрах от неё, колыхнулась сосновая ветка. Нина увидела: что-то мелькнуло, исчезло в сосновых зарослях. Она подползла к люку и скомандовала:

– Передай бойцу, чтоб пилотку приподнял на штык и сразу её опустил. Ровно через минуту. И пусть там сидит, пока не позовём.

Ребров точно исполнил её приказ, но получил дырку в пилотке. Нина увидела вспышку и произвела выстрел в его сторону. Одновременно с ней Рукосуев тоже успел выстрелить, но там ничего особенного не произошло. Оттуда веяло непонятной тишиной и спокойствием. Прошёл час или больше, Реброву надоело ждать, и он решил вылезти и заползти за танк. Высунувшись из воронки, сразу получил смертельный выстрел в левое плечо.

Через три часа оба вновь предстали перед Самариным.

– Вернувшаяся с языком разведка сообщила, что вы попали в чучело, оно упало и зависло низко над землёй недалеко от тропы, по которому возвращались разведчики. Диц стрелял с другого места, а вы потеряли Реброва. Сегодня утречком снайпер ещё успел подстрелить насмерть новобранца-бойца, которого отправили на родник за водой. Так что у вас есть время, – двадцать четыре часа. Если что, потом пеняйте сами на себя. Ладно. Идите... – устало махнул им вслед рукой.

«Этот фриц – хитрый вражина, его надо немедленно ликвидировать. Рукосуева отправлю вправо, где у кромки поля растут кусты талины, туда часто отправляются разведчики», – сидела на топчане и мыслила Нина. Приоткрылась дверка, вошёл Рукосуев, неся обед на двоих.

– Пожалуйста! Ваш обед... – и перед ней выставил почти полный котелок с горячей кашей.

После обеда Рукосуев присел возле приоткрытой дверки и с наслаждением курил.

– Слушай! На правой стороне поля есть кусты, я тебя туда отправлю.

– Вам видней.

– Так что готовься...

Утром всё заволокло сизым туманом. Нина отправила Рукосуева в кусты, а сама отправилась под танк. Решила таким образом изменить свою позицию. Расстелив плащ-палатку, Нина улеглась на неё. Времечко пролетело незаметно, появился первый луч. Растаял туман. Вылезло солнце, и осветило весь обзорный горизонт. Что-то мелькнуло возле молодой ёлки и насторожило Нину. Выскочил заяц и метнулся к полю. Вдруг раздался взрыв. Дым рассеялся, и наступила зловещая тишина. На высокую ель сел ворон, и сразу перелетел на следующую ель. Нина не стала заострять внимание на действиях птицы, навела оптику прицела, и в объективе мелькнул немецкий снайпер, видимо, он целился в Рукосуева. Нина не успела первой произвести выстрел, он её опередил. Она сразу выпустила в фашиста заряд. С высокой ели с шумом и треском тот полетел вниз.

Утро. Прифронтовой госпиталь только-только просыпался. Вошла в палату медсестра и следом за ней Нина.

– Рукосуев, к тебе пришли... – обратилась к лежащему перебинтованному в плечо больному.

– А, это ты, Нина, – улыбнулся он. – Моя напарница. Рассказывай, с чем пришла, – и сделал серьёзное лицо.

– Пришла попрощаться с тобой, напарник... – и она ему слабо улыбнулась.

– Я Любе написал, что меня комиссуют. Да и война скоро закончится. Буду плести корзины и отдавать в райпотребсоюз. Держать винтовку не смогу, пусть Пашка охотится.

– Как же так ты егопустил и дал ему возможность в себя выстрелить?

– Стал окапываться, а этот гад меня возьми и подстрели. Там три кустика,

два худые, один объёмный. Думал, успею, и, как видишь, не успел. Пуля оказалась разрывной.

– Ладно, долечивайся, я пошла. Забери свёрток, там яблоки. Витамины...

Молодой боец с глубоким шрамом на лице и с перевязанной левой рукой, лежащий рядом с ним на соседней кровати, спросил:

– Это что, твоя напарница?

– Да.

– И у тебя с ней не было романа?

– Глупость говоришь, сейчас война. Да какой может быть роман. Она моя лучшая напарница...

Война ещё не закончилась, но у Нины этот барон фон Диц был по счёту семьдесят девятым. К концу войны их стало девяносто девять. В её список входили тридцать восемь офицеров, два генерала и так далее. Нина никогда не рассказывала о войне. На войне как на войне...